

На рассвете, когда пламя наконец утихло, база, когда-то казавшаяся внушительной, превратилась в груды руин. К тому времени Му Цинхуа и его спутник уже держали путь обратно в Цзинчэн.

Отряд эволюционировавших, присланный Е Чунланем, двигался другим маршрутом. Две группы разошлись, поэтому Му Цинхуа так и не увидел в подробностях, что представлял собой этот внезапно появившийся отряд.

Он лишь в общих чертах слышал от Е Чунлани: в ту группу собрали почти всех высокоуровневых эволюционировавших из столицы. Шэнь Цинь лично отдал такой приказ — поступок весьма решительный, из чего нетрудно было понять, какое значение придавали в Цзинчэне этим японцам.

Теперь, когда задание было блестяще выполнено, а все последующие вопросы решали другие люди, им не о чем было беспокоиться. Е Чунлань собрал вещи и, прихватив спутника, направился в столицу.

Оба намеренно замедлили шаг. В противном случае, применив Великое Легкое Кунфу, они могли бы добраться до Цзинчэна уже на следующий день, но это вызвало бы вопросы, на которые им, даже обладая способностями, было бы сложно ответить. Чтобы не навлекать подозрений, они шли не спеша: то истребляли зомби, то останавливались перекусить, то, взявшись за руки, беседовали о жизни. В итоге они прибыли на три дня позже того самого отряда.

После наступления конца света влияние политиков постепенно слабело, а власть переходила в руки военных, державших оружие и реальные рычаги управления. Кулак — вот главный аргумент. Эта истина была верна везде, особенно в смутные времена.

Брат оригинала, Шэнь Цинь, как раз принадлежал к числу тех, у кого была эта власть.

Семья Шэнь всегда была военной династией. Они переживали взлеты и падения, но именно Шэнь Цинь потом и кровью вновь поднял клан на ноги. Поэтому оригинал, Шэнь Чэнь, глубоко уважал старшего брата, и именно из-за этого, когда того погубили, он, обезумев, бросился мстить, не заботясь о последствиях, и даже после смерти его одержимость не угасла.

Семьи Шэнь и Тан были давними друзьями. Когда род Шэнь пришел в упадок, Тан протянули руку помощи, тайно и явно поддерживая Шэнь Циня. Хотя Шэнь Цинь был человеком расчетливым, он умел ценить добро. Когда наступил конец света, семья Тан не уцелела: погибли все, от старого главы до супругов Тан. Род прервался, остался лишь один Тан Гаоян. Шэнь Цинь, не раздумывая, взял на себя заботу о нем.

Все бы ничего, но со временем Шэнь Цинь проникся к Тан Гаояну чувствами. Однако гордый и своенравный Тан Гаоян не мог принять любовь мужчины, а Кан Бохуэй, с которым он вырос, подливал масла в огонь, внушая, что гибель семьи Тан — дело рук Шэнь Циня, который использовал их трагедию как ступеньку для собственного возвышения.

В итоге ослепленный ненавистью Тан Гаоян хотел с помощью Кана свергнуть Шэнь Циня, но случайно погубил его, а затем и сам погиб. Это была полная трагедия.

После гибели Шэнь Циня маленький Шэнь Чэнь, естественно, не мог справиться с врагами. Он умер, полный ненависти и неисполненных желаний. Когда Е Чунлань впервые вселился в это тело, его даже напугала глубина одержимости оригинала.

Десять лет конца света, все началось сначала, судьба сделала новый виток. В этот раз виновник, Кан Бохуэй, даже не добрался до столицы, погибнув в пути, а тот пожар, устроенный Е Чунланем, сослужил отличную службу, добавив Шэнь Циню политического веса. Расстановка сил в столице явно должна была измениться.

Едва войдя в Цзинчэн, Е Чунлань потащил спутника домой. По пути многие узнавали его и пытались завязать разговор, но Е Чунлань лишь кивал в ответ и проходил мимо. Он был прямолинеен, не любил притворства и пустых светских любезностей.

Братья Шэнь всегда жили вместе, и даже теперь, когда положение Шэнь Циня стало высоким, они не собирались переезжать.

Это был их дом, где они выросли, место, хранящее множество воспоминаний. Ни Шэнь Чэнь, ни Шэнь Цинь не хотели и не могли его покинуть. Что касается Е Чунлани, ему было тем более все равно — это не был его дом. Его настоящий дом остался в Великой Тан, в Горной обители Скрытого Меча на берегу Западного озера.

Когда Е Чунлань вернулся, Шэнь Цинь, к удивлению, оказался дома. И не один — там был и Тан Гаоян.

Е Чунлань никогда не видел Тан Гаояна лично, но в памяти оригинала тот присутствовал, причем вызывал лютую ненависть. Увидев его, Е Чунлань едва сдержался, чтобы не применить Возвращение журавля.

Как он ни старался, все же опоздал на один шаг.

Эта вспышка жажды убийства возникла и исчезла мгновенно, никто ее не заметил, кроме Му Цинхуа, стоявшего совсем рядом.

Му Цинхуа слегка нахмурил брови и украдкой взглянул на него, но прежде чем успел что-то понять, раздался голос: — Господин Му, как хорошо, что вы живы. — Тан Гаоян не притворялся, он был искренне рад, ведь этот человек спас ему жизнь, и он был очень благодарен.

— Это тот самый господин Му, которого ты искал? — голос Шэнь Циня был низким, чуть хриплым, но очень приятным и мужественным. Он был братом Шэнь Чэня, но выглядел куда

величественнее: четкие черты лица, застегнутая на все пуговицы рубашка, ни единой складки — само воплощение строгости и собранности.

— Да, если бы не господин Му, я бы, наверное, уже не был в живых, — обращаясь к Шэнь Циню, Тан Гаоян говорил с такой нежностью, что Е Чунлань озадаченно нахмурился.

Этот человек казался совсем не таким, как в воспоминаниях оригинала.

Ближе к полудню, в честь возвращения Е Чунланя и прибытия Му Цинхуа, Шэнь Цинь остался на обед. После трапезы он позвал Е Чунланя в кабинет, оставив Тан Гаояна и Му Цинхуа беседовать.

Беседа не задалась — оба просто молчали. Му Цинхуа был немногословен, а Тан Гаоян мечтал лишь быть рядом с Шэнь Цинем и в отсутствие того сразу поник.

Наверху, в кабинете.

Шэнь Цинь подробно расспросил о случившемся. Е Чунлань рассказал все как есть, а в конце добавил: — После этого случая те старики больше не посмеют притеснять брата.

Шэнь Цинь нахмурился: — Не вмешивайся в эти дела, я сам со всем разберусь.

Е Чунлань закатил глаза: — Не надо относиться ко мне как к ребенку, я ведь оказал тебе огромную услугу.

— Вот исполнится двадцать, тогда и поговорим.

Е Чунлань чуть не взвыл. Оригиналу было девятнадцать лет и восемь месяцев, до двадцати оставалось совсем немного, но каждый раз, когда он хотел что-то предпринять, Шэнь Цинь давил на него возрастом. На самом деле ему хотелось сказать, что ему уже двадцать один, и если бы не его прежняя разборчивость, он бы уже детей нянчил.

Увы, сказать он этого не мог.

Оригинал уважал брата, но и побаивался его, поэтому Е Чунланю приходилось следовать роли и покорно слушать нотации. Когда Шэнь Цинь с усмешкой начал припоминать ему побег из дома месячной давности, у бесстрашного молодого господина Е лицо позеленело.

Он попытался оправдаться: — Я оставлял записку, это не побег, я ушел, чтобы найти человека для тебя. — И чтобы спасти твою жизнь.

— Но в итоге Тан Гаоян нашел нас сам.

Е Чунлань помрачнел. Он хотел устроить охоту, а оказалось, что объект давно вернулся в столицу и преспокойно сидит у него дома. Это было унижительно.

— Но в итоге я все равно принес тебе пользу. — Уничтожение японской базы и раскрытие их амбиций укрепили положение семьи Шэнь.

Шэнь Цинь хладнокровно отрезал: — Поэтому в этот раз я не стану тебя наказывать, считай, что заслуги перекрыли проступок. Но пока тебе не исполнится двадцать, ни шагу из Цзинчэна.

Разговор вернулся к началу. Е Чунлань был в отчаянии. В подавленном настроении он забыл предложить выселить Тан Гаояна, хотя вряд ли это было возможно: в смутные времена, когда у того никого не осталось, Шэнь Цинь вряд ли бы его отпустил.

Держать врага на глазах было даже удобно: можно следить за ними, не давая им сближаться, а в подходящий момент — прикончить, главное, чтобы Шэнь Цинь не заметил.

Однако следующие несколько дней разрушили все планы Е Чунлани. Тан Гаоян приклеился к Шэнь Циню намертво — разве что в туалет не ходил следом!

И оправдание у него было железное: вся семья погибла, Шэнь — единственный родной человек, он должен его защищать. Е Чунлани от этих слов передернуло, но Шэнь Цинь, холодный с чужими, но нежно опекавший своих, на это купился, и его взгляд при виде Тан Гаояна становился все мягче.

Чувство опасности у Е Чунлани зашкаливало. Так дело не пойдет! Он не допустит, чтобы Шэнь Цинь снова наступил на те же грабли!

Тан Гаоян был проницателен, или, вернее, после перерождения и обретения способностей стал еще острее чувствовать людей. За несколько дней он понял, что Шэнь Чэнь его недолюбливает. Хотя тот не показывал этого открыто, интуиция Тан Гаояна не подводила.

Он не понимал, чем провинился. В прошлой жизни в это время он был погружен в скорбь, с Шэнь Чэнем почти не пересекался, и тот, напротив, по совету брата даже пытался его утешить.

Что же изменилось сейчас?

Начав жизнь заново, он заметил отличия. Самым главным был Шэнь Чэнь — юноша, который в прошлом был в тени Шэнь Циня и почти не выделялся.

О японской базе он знал и хотел по приезду в столицу передать информацию Шэнь Циню,

чтобы помочь ему укрепить авторитет. Но база была уничтожена до его приезда, причем лидером был Шэнь Чэнь. Это было странно: откуда у него такие способности?

А еще Кан Бохуэй — человек, погубивший его в прошлой жизни, до сих пор не вернулся в столицу, хотя должен был прибыть полмесяца назад.

Перемены в Шэнь Чэне можно было списать на Му Цинхуа, но непредсказуемость Кана пугала. Тан Гаоян не спал ночами.

Не только он, но и Му Цинхуа заметил неладное, однако не придавал этому значения. Он вообще мало чем интересовался.

Сейчас он был поглощен играми. Капиталисты есть капиталисты: даже в конце света в доме Шэнь не было перебоев с электричеством.

Хотя сетевых игр не было, одиночных хватало с избытком. Му Цинхуа, расстреливая очередную волну зомби, смотрел на экран, где зеленые ангелочки плевались горохом, и чувствовал себя абсолютно счастливым.

Увы, эта праздная жизнь продлилась недолго. Е Чунлань, видя, как он просиживает дома, решил вытащить его на прогулку.

После наступления конца света Цзинчэн разделили на внутренний и внешний круги. Внешний был опаснее, там процветала преступность. Внутренний же предназначался для элиты. Жители внешнего круга могли зарабатывать очки вклада, чтобы получить право жить внутри.

Зона заданий между кругами как раз и была местом, где можно было заработать эти очки.

Эволюционировавшие собирались в отряды и брали задания. Это была честная сделка, где ставкой была жизнь.

Е Чунлань долго бродил там с Му Цинхуа, подробно все объясняя. Он был полон энтузиазма, но, вспомнив предупреждение Шэнь Циня, сник.

Заметив озадаченный взгляд Му Цинхуа, он приободрился: — Через четыре месяца мне исполнится двадцать, тогда мы соберем отряд и начнем брать задания.

Му Цинхуа не проявил интереса, он предпочитал игры.

Видя его нежелание, Е Чунлань начал убеждать: — Сидеть в городе — только плесенью покрываться. Задания — это весело, да и деньги заработать можно.

Деньги? Глаза Му Цинхуа чуть блеснули: — Сколько?

— Много! Чем сложнее задание, тем больше платят! — Е Чунлань широко улыбнулся.

Если бы не конец света, двадцатилетие второго молодого господина Шэнь отпраздновали бы с размахом. Шэнь Цинь очень дорожил братом. Но сейчас, когда каждый день гибли люди, такие праздники казались незначительными.

На самом деле желающие поздравить были. После событий с японцами имя Шэнь Чэня стало известно, и многие представители элиты хотели наладить связи, но Шэнь Цинь всех вежливо отшил.

Он не пригласил никого, просто поужинал в узком кругу. Он не хотел впутывать брата в политику, а Е Чунланю было все равно. В его памяти двадцатилетие осталось в прошлом — тогда только началось восстание Ань Лушаня, и Горная обитель Скрытого Меча ковала оружие для Управления Тяньцэ. Он сутками пропадал у кузнечного горна, а ночью старший брат угостил его пирожным и потрепал по голове, сказав, что он стал на год старше.

На следующий день он отправился в Лоян и больше не вернулся.

Тот день рождения был днем Е Чунланя, а этот — Шэнь Чэня. Е Чунлань улыбнулся: он был рад не празднику, а тому, что скоро сможет наконец отправиться в путь.

Конец света тянулся долго, дольше, чем в прошлой жизни. Кто-то поседел, кто-то выжил, а кто-то погиб, так и не дождавшись мира.

Но зомби постепенно становились редкостью. Спустя семь лет люди разработали лекарство. Хотя оно не превращало мертвецов обратно в людей, оно защищало живых от вируса. Человечество увидело свет в конце тоннеля.

Очистка городов шла непросто, особенно после эволюции зомби. Обычные люди справлялись с низшими, а с высшими приходилось бороться эволюционировавшим. Среди них отряд Двух Мечей Великой Тан был самым малочисленным и самым грозным. В нем было всего два человека, но они годами занимали первое место в рейтинге. Их процент провалов был почти нулевым — настоящая легенда.

И сейчас один из этой легенды без всякого приличия валялся на ковре, перелистывая бумажки.

— В городе Т появилось несколько высших зомби, награда — двадцать тысяч очков. Пойдем? — спросил он, не поднимая головы.

— Все равно.

— Денег много, но далековато, лень ехать. Может, возьмем это? Нужно очистить линию метро под улицей Чжуцуюэ, правда, платят мало.

— Все равно.

Е Чунлань нахмурился, вскочил и, глядя на увлеченного игрой спутника, почувствовал, как раздражение улетучилось. — Не сиди так близко, глаза испортишь, — только и смог сказать он, чувствуя себя жалким.

Му Цинхуа равнодушно хмыкнул. Раньше он бы переживал, но в этом теле зрение было идеальным.

Прошли годы, Е Чунлань возмужал, а Му Цинхуа оставался таким же, как в день встречи: ни морщинки, ни прыщика. Е Чунлань все видел, но оба они были пришельцами из другого мира, так что удивляться было нечему. Он лишь боялся, что кто-то заметит странности Му Цинхуа, поэтому они стали чаще уезжать из столицы. В Цзинчэне они проводили меньше полумесяца в год, только по настоянию Шэнь Циня.

Му Цинхуа был ленив, но никогда не отказывал Е Чунланю, зная, что тот делает это ради него.

Людей, которые были к нему добры, можно было пересчитать по пальцам, и он это ценил.

Му Цинхуа взглянул на него с теплотой, которую заметил бы только Е Чунлань. У того запылали уши. В последнее время он все чаще ловил себя на том, что засматривается на него.

И зачем он такой красивый?

Чтобы скрыть смущение, он потряс бумагами: — Тогда берем это задание, пойду договорюсь.

Он ушел, но сердце колотилось. А что, если по возвращении предложить ему кармическую связь? Согласится ли он?

В итоге задание сорвалось. В сентябре пришла весть: появился Король зомби. Четверо эволюционировавших седьмого уровня не смогли его одолеть и погибли. Король управлял всеми зомби, и за полмесяца он уничтожил две базы.

Услышав это, Е Чунлань потащил Му Цинхуа к Шэнь Циню. Прошло более десяти лет, Шэнь Цинь стал главой страны. Это было заслуженно, тем более что несколько лет назад Тан Гаоян, используя пространственный источник, помог разработать лекарство.

Именно поэтому Е Чунлань позволил ему остаться рядом с Шэнь Цинем: человек, который без тени сомнения помогал другому достичь высот, оставаясь в тени, заслуживал уважения.

Тан Гаоян, добившийся признания спустя семь лет, был счастлив: наконец-то можно спокойно ухаживать за возлюбленным!

Е Чунлань хотел найти Короля зомби — как ученик Горной обители Скрытого Меча, он должен был вершить справедливость.

Шэнь Цинь знал об угрозе раньше всех, но все его попытки отправить отряды провалились. Он был рассудителен и понимал опасность. Он не хотел отпускать Е Чунланя, но тот уже вырос и стал сильнейшим эволюционировавшим в стране. Как брат, он не хотел рисковать, но как глава государства — должен был отправить лучших.

В конце концов они ушли. Уходящие вдаль силуэты двух молодых людей, держащихся за руки, стали для Шэнь Циня самым горьким воспоминанием в жизни.

Когда они прибыли, Король зомби уже атаковал город. Десятки тысяч мертвецов одним ударом уничтожили плоды годового труда.

Е Чунлань ворвался в толпу, его золотистая энергия меча сметала зомби. Му Цинхуа не обращал внимания на мелочь, его взгляд был прикован к маленькому холмику, где женщина с растрепанными волосами визгом отдавала приказы.

— Второй мастер! — крикнул он, взмывая в воздух.

Они работали в паре бесчисленное количество раз. В тот же миг Е Чунлань отступил и бросился следом.

Пятьдесят чи, сорок, тридцать... Ближе. Му Цинхуа наложил на себя защиту, сбросил поле Великого Предела и уже хотел применить Лянъи, как вдруг увидел Короля зомби.

Рука с мечом замерла, даже на его вечно ледяном лице промелькнуло удивление.

Человек напротив был миловидным, кожа — лишь чуть бледнее обычной, никаких отличий от людей, кроме отсутствия той светлой улыбки, что была у нее при первой встрече.

Это была Ван Цзяи.

— Жить надоело? — раздался резкий голос, и легкий меч отразил удар когтей, летевший в него. Му Цинхуа отступил, глядя на пустую брюшную полость женщины.

Там зияла дыра. Ни плоти, ни органов, ни ребенка, который должен был там быть. Му Цинхуа видел — это было вырвано силой.

...Не зря Король зомби, Е Чунлань с трудом сдерживал натиск. Никогда еще он не встречал такого сильного противника, а напарник странно бездействовал.

— Му Цинхуа! — он всегда звал его Даос, а тут назвал по имени. Это значило, что он в ярости.

Му Цинхуа отбросил все эмоции, снова установил поле Великого Предела, накрыв всех троих лазурным куполом.

Столько лет они вместе брались за задания и выполняли их, порой попадая в весьма опасные переплеты, но еще никогда не было так тяжело. Му Цинхуа подумал, что если бы над его головой висела шкала здоровья, то полоска жизни сейчас стремительно таяла бы. Глядя на бледное лицо Е Чунланя, он понял, что дела у того обстоят ничуть не лучше.

Король зомби ревел, его тело было сплошь покрыто ранами. Му Цинхуа и Е Чунлань изо всех сил тянули время, надеясь, что подоспеют другие Эволюционировавшие, и тогда с монстром будет покончено.

Однако Король зомби не собирался давать им такой передышки. Е Чунлань среагировал первым. У него не было времени даже на раздумья — он лишь успел в последний раз взглянуть на Му Цинхуа, а затем бросился к Королю зомби, обхватил его и, применив Великое Легкое Кунфу, рванул ввысь...

Погружаясь в темноту, он с досадой подумал: жаль, что так и не успел спросить того глупого барана, согласен ли он стать его Кармической связью.

Бах! Король зомби самоликвидировался. Если бы не молниеносная реакция Е Чунланя, от половины города и тысяч людей, находившихся в нем, не осталось бы и следа.

Все невольно подняли головы, глядя на кровавый дождь в небе, и лица их выражали полное смятение. И никто не заметил, как в самый миг взрыва фигура даоса в белых одеждах стала прозрачной, а затем бесследно растворилась в этом мире.

<http://bllate.org/book/22147/2307314>